

Служение как принцип гуманитарного образования Service as the principle of the humanitarian education

Аннотация. Представлена интерпретация служения по Н.А. Бердяеву в контексте авторской концепции терапеологии.

Abstract. Presented the interpretation of service on N.A. Berdyaev in the context of the author's conception of therapeology.

Ключевые слова: служение, терапеология, превращение, творчество, запредельность.

Keywords: service, therapeology, transformation, creation, transcendence.

В нашем понимании терапеология есть учение о свободном служении как норме бытия, принимаемом личностью в качестве призвания и обеспечивающем высший смысл и полноту человеческой жизнедеятельности. В этом, полагаем, заключается подлинное служение-призвание, то есть упреждающее духовное врачевание в традиции исторического философствования [3, с. 236-237].

Не строгостью взаимосвязанных понятий значимо философствование Н.А. Бердяева. Для гуманитарного образования современности особое значение имеет его гуманистическая страстность, его практическое философствование, его героическое служение делу развития и утверждения мира личности. Есть ответ на вопрошание М. Хайдеггера: «"Этику"? Кто может себе это позволить сегодня и от имени какого авторитета предложить её миру?» [4, с. 152]. Этика с большой буквы, этика как доктрина действия и философская антропология предложена Н.А. Бердяевым. «Моя философия всегда имела этический характер. ... Моё мышление всегда носило страстный характер и проникнуто было волевым устремлением» [2, с. 84].

По самооценке, Бердяев русско-православный философ. Если концентрировать внимание на «надконфессиональном», по его выражению, то есть на общем в этике философа, то его страстное философствование есть достойное предложение «морали сердечного влечения» Миру, предложение от официально признанного Западом авторитета Русского мира.

Философ считает самой систематической свою книгу «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». Обращаемся преимущественно к ней для выявления надконфессионального смысла его понятий, насколько это возможно: Бердяев Н.А. сетует, что его часто не понимают или иначе понимают из-за характера его философствования.

Свобода в духовном и религиозном пути Бердяева есть долг, бремя и источник трагизма, есть трудное переживание, есть божественное. Отмечаем: философ различает духовную и религиозную жизнь, для него это различие из разряда элементарного. Своё отличие от Я. Бёме философ видит в истолковании свободы вне Бога, как первичную свободу. «Бог есть свобода и даёт свободу. Он не Господин, а Освободитель, Освободитель от рабства мира. Бог действует через свободу и на свободу» [2, с. 162]. Отсюда его мнение, что религия есть чувство независимости человека, есть духовная независимость человека от природы и общества. Идеального государства не может быть, замечает философ, поскольку государство всегда есть власть человека над человеком. Национальность есть ценность более высокого порядка, чем государство, но и она, как все ценности, может абсолютизироваться. Национализм есть присущая всем народам болезнь, эмоционально стимулирующая войны. Интернационализм не излечение болезни национализма, а принижение или отрицание национальности. Излечение возможно на другом пути. «Этика должна признать ценности национальности и вместе с тем осудить национализм, который есть такая же ложь, как этатизм, как клерикализм, как сциентизм, как морализм, как эстетство» [1, с. 217]. Всякая принуждающая власть в грешном мире, включая власть Божью, несовместима с совершенной жизнью. Потому что совершенная жизнь «есть конец власти человека над человеком» [1, с. 212].

Критикуя кризисное в гуманизме, Н.А. Бердяев критикует сознание самодостаточности человека и потому самоуспокоенности. Его религиозный гуманизм как альтернатива антигуманизму есть вера в человечность Бога и божественность Человека. Человек может быть бесчеловечным, Бог всегда человечен. По сути, Бердяев постигает трагизм различия между идеалом и его воплощением, между мыслью и словом, страстью и поступком. Между желаемым и достигнутым. Не в этом ли суть его понимания «объективации» и её трудного преодоления в свободе и творчестве? В пользу такого по-

нимания объективации у Бердяева может свидетельствовать сопоставление евангельской и рыцарской этики в христианском мире. Рыцарская этика сталкивается с этикой евангельской, что не мешает ей оставаться, пусть не полным, одухотворением варварских инстинктов. В рыцарстве «сильна была идея служения, верность святыне, защита слабых и униженных, уважение к женщине, и все эти свойства имеют непреходящее нравственное значение» [1, с. 155]. Идеал человека не может быть локальным, он может быть идеалом целостного человека. В идеале мудреца Бердяев видит целостное отношение к жизни и потому идеал мудреца самый высокий образ в дохристианском мире. В христианском мире выдвигается идеал святого и идеал рыцаря. Рыцарство выковало личность, замечает Бердяев [1, с. 261]. Новое время не знает идеального образа человека, сопоставимого с образом мудреца, святого и рыцаря. Здесь целостный образ дробится на ряд профессиональных образов и потому образ человека как образ и подобие Божье исчезает. Буржуа и есть обобщенный образ многочисленных идеалов профессионализма нового и новейшего времени, *буржуа есть безличный человек*. Н.А. Бердяев предлагает долженствующий целостный образ человека. Вечные моменты святости и рыцарства он дополняет новым – *творчеством*. Образ человека-творца – *целостный образ*. Конкретизируя своё понимание сокрытого учения о дарах от Бога во имя служения Богу, философ заявляет: человек должен использовать свои таланты в борьбе за осуществление творческого призвания против отягощающих форм обыденности. Человек призван к героизму во всех сферах жизни. Эта трагическая борьба не за эгоистические интересы, «а за идеальный образ человека-творца» [1, с. 262]. Следовательно, служение как призвание есть активный духовно-жизненный процесс, в котором ответственные поступки зрелого человека суть реальные моменты его жизненного пути. Для понимания подлинного служения перспективна критика Бердяевым использования секуляризированной научно-технической силы человека, «отрывающей человека от материнского лоно природы, дающей ему власть над природой и ведущей к ослаблению и вырождению его собственной природы» [1, с. 86].

Этика должна поставить вопросы о значении творчества и о творческом значении нравственного акта. «Творчество, творческое отношение ко всей жизни есть не право человека, а долг и обязанность человека. Творческое напряжение есть нравственный импера-

тив и при том во всех сферах жизни» [1, с. 141]. Природа творчества у Н.А. Бердяева непостижима, как и природа свободы. Структура творчества включает дары. Творчество есть призвание для дела Божьего в мире и поэтому конфликтует с идеей личного совершенствования. Гений творчества не совпадает с нравственным обликом человека и потому может быть злое творчество. Творчество как создание небывалого, по Бердяеву, есть атрибут свободной личности и свобода как атрибут бытия личности творческой. Его критерий продвижения по пути к Царству Божьему – распространённость творчества. Попробуем выявить общее в кредо Бердяева о творчестве. Творчество как идея конкретизируется в единстве активного и пассивного, нового и старого. Понимание диалектическое, то есть признающее противоречие в творчестве. Каждый человек в своей активности есть в известном смысле творец, поскольку живёт свою небывалую жизнь и этим самым приращивает жизнь как таковую. С другой стороны, сообщество творцов своей жизни выделяет творчество как уникальную активность из мира повседневности и переносит его в мир предельности и запредельности. Творчество может быть конструктивным и деструктивным, но абсолютный критерий разграничения творчества сокрыт от нас. Следовательно, конструктивность и деструкция в творчестве может оцениваться лишь посредством временных, относительных критериев. Самосовершенствование личности и её творчество находятся в сложной взаимосвязи.

Философ видит трагедию и границы человеческого творчества [1, с. 138]. Царство Божие в одном смысле всегда есть в реальности, а в другом смысле существует только в запредельности. Царство Божие в его терминологии есть предельная запредельность, творимая духом определённого сообщества личностей, и потому она может быть преобразована, то есть стать безобразием или другим образом, благодаря творчеству людей. Точнее, безобразие есть момент отсутствия единства сознания в восприятии красоты-гармонии Образа. То есть образ и безобразие есть стороны дуализма, по Бердяеву. Тогда творчество есть активность человека в единстве нормы-правила и исключения из правила, единстве миров наличных и иных миров. «Этика творчества есть этика бесконечного, для неё мир раскрыт и пластичен, раскрыты бесконечные горизонты и возможен прорыв к другим мирам» [1, с. 142]. Этика творчества превосходит этику искупления преодолением страха как преобразованием страха наказания и ада в бескорыстную и отрешённую лю-

бовь. Философ сомневается в нравственности этики искупления утверждением: человеческое свершение из страха не имеет нравственной цены [1, с. 143]. Особую значимость для сути терапевтологии имеет его уточнение о качественном преимуществе этики творчества над внешней стороной аскезы, иссушающей душу человека нормой отвлечённой идеи. Таковую правильность необходимо преодолеть утверждением идей правды, истины и красоты в качестве энергий жизни, творческого горения в человеке [1, с. 147]. По Бердяеву, выше человека только божественное. Отвлечённая идея Бога не имеет ценности. Отсюда замечательное размышление о сложности гуманистической любви, в которой любовь к человеку, любовь к живым существам может быть подменена отвлечённой любовью к человечеству. «Именно русское этическое сознание ставит любовь и сострадание к человеку выше любви к государству, к нации, к отвлечённой морали, к семье, к цивилизации и пр.» [1, с. 209]. Человек любящий всегда целительно конкретен в своём чувстве, в своей жизни. В такой версии служение приобретает иное измерение. Из преобразования как возможности допущения символа творчества оно переходит на уровень подлинной активности жизни человека, на уровень превращения деструктивных страстей в страсти конструктивные.

В диалектике добра и зла у Бердяева особенно значительна идея о приоритете добродетели как жизненного деяния над нормативной добродетелью. «Человек осуществляет добро совсем не потому, что он ставит себе целью осуществить добро, а потому, что он добр или добродетелен, т. е. заключает в себе творческую энергию добра» [1, с. 155]. Добро есть дар духовный в человеке. Поэтому источник добра в творческой энергии. Осуществление добра есть вместе с тем упразднение добра, поскольку дуализм добра и зла есть трудный путь, но не цель. Красота, а не добро, есть цель бытия в его онтологически-космологическом смысле. В указанном утверждении Бердяев ссылается на платоновскую диалектику добра и красоты. Следовательно, по логике развёртывания идеи Бердяева, красота есть осуществлённое и потому упразднённое добро? Суждения Платона по проблеме добра и красоты правомерно интерпретировать иначе, о чём свидетельствует иная традиция в истории философии. Полагаем, что служение как подлинная гармония бытия есть превращение в жизнь идеи *единства добра, истины и красоты*.

Философ отрицает однозначность монизма и полагает себя дуалистом. Поэтому он не принимает в свой адрес звание идеалиста, а предпочитает называть себя экзистенциалистом. Объективная реальность у Бердяева лишь иллюзия сознания. Реально существует направленность духа, порождающая состояния реального мира: либо объективированный мир, либо подлинный мир человеческой субъективности. Следовательно, мир можно изменять развитием духовности. Стремление к величию и могуществу есть путь объективации, порабощения себя. Это неподлинное творчество. Подлинное творчество призвано в страстном героическом действе: преодолеть порабощённость и выйти к миру экзистенциальной субъективности и духовности, то есть подлинности как царству богочеловечности, Божьему миру. «Не только творческая мысль, но и творческая страсть, страстная воля и страстное чувство должны расковать затверделое сознание и расплавить представший этому сознанию объективный мир» [2, с. 313]. Признавая, что жизнь есть в первую очередь движение в единстве изменения и неизменности, философ полагает основной проблемой жизни изменения себя и других. Изменение может быть как улучшением, так и ухудшением.

Критикуя символическую этику, философ замечает: символически освящать жизнь проще, чем её подлинно преобразовывать, преображать. Борьба со смертью во имя вечной жизни есть основная задача человека. Бердяев не удовлетворяется идеей Н. Фёдорова и преобразует её как предельное требование этики: все должны быть выведены из ада. В его конкретизации требование включает освобождение от инстинктов мести, проецируемых и на вечную жизнь. Свобода предполагает возможность зла. Ад существует как изживаемое последствие тёмной свободы, но его не следует воссоздавать по своему усмотрению, в том числе изоляцией «зла» от «добра». Природа добра и зла сокрыта от нас. Действительное и окончательное преодоление тёмного источника зла есть просветление и преображение. Поэтому «добрые» должны разделить судьбу «злых» и этим помочь их освобождению. «Радикальное нравственное изменение может быть лишь изменением отношения к самим "злым", к обречённым, в желании спасения и для них, т. е. в принятии на себя и судьбы "злых", разделении их судьбы» [1, с. 297]. Углублённое и цельное сознание преодолевает поверхностное восприятие рая и ада, по аналогии с бытием природы, и духовно вбирает их, преобразуя пассивную мечту о рае и ужас ада в активность.

Недостаточно индивидуалистической заботы о своём личном спасении, потому что оно невозможно. Человек – центр жизни, поэтому от творческих усилий каждого человека зависит спасение и преобразование всего мира, пострадавшего из-за порабощённости человека.

Наряду с преодолением иссушающего нормирования или объективации идеи и добродетели, философ обращает внимание на неоднозначную природу инстинктов подсознательного. Творчество предполагает жертвование, отдачу. Тиранство знает только практику брать, ничего не отдавая взамен, для тиранства характерно стремление к абсолютной власти. Поэтому преодоление инстинкта тиранства, как одна из главных задач этики, должно начинаться с детства нравственным воспитанием в противоположном тиранству духе. Рядом с тиранством, замечает Бердяев, у современного человека есть и другие инстинкты – инстинкты рабства и жестокости. Действие инстинктов тиранства, рабства и жестокости подрывает творческие силы, переходит в отрицание творчества и насилие над ним [1, с. 164]. «Но новым и вечным является стремление к свободе, состраданию и творчеству. Поэтому новая этика может быть лишь этикой *свободы, сострадания и творчества*» [1, с. 164].

Характеризуя духовный подвиг одинокого и непонятого В. Соловьёва, столь же одинокий и непонятый Н.А. Бердяев полагает, что противоположные направления считают Соловьёва своим. Идею богочеловечества философ считает центральной идеей жизни В. Соловьёва. Христианское дело жизни Соловьёва Бердяев видит в возврате к вере отцов после переосмысления злого в гуманизме Нового времени. В чём же заключается защита христианства Соловьёвым по Бердяеву? Это защита человека и человечества. Защита свободы и активности человека. Религия богочеловечества Соловьёва есть вера в Бога и человека, есть активное выражение человеческого начала в богочеловечестве. Человечество должно принимать благодать и истину от Христа и осуществлять их в жизни. Не теократия, а Царство Божие; не принуждение, а свободный выбор – вот на чём стоит Соловьёв в интерпретации Бердяева. Полагаем, что Бердяев видит в Соловьёве себя и свою теоандрическую или богочеловеческую этику [1, с. 90]. Если Соловьёв противопоставляет христианству ислам, не видя в последнем активности человека, то Бердяев видит своё жизненное кредо в принадлежности руско-православности, пусть не совсем традиционной. Акцентирование на

конфессиональной принадлежности ведёт к межконфессиональной полемике. Альтернатива, межконфессиональное согласие как реальная возможность, обнаруживает формы активности человека и в других конфессиях тогда, когда наряду с открытостью помнит о сокрытости. Уважая иную религиозно-конфессиональную теологию и догматику, межконфессиональное согласие конструктивно в границах религиозно-конфессионального и потому в какой-то степени надконфессионально в смыслах Бердяева. Наряду с религией есть иные формы духовности. Соответственно, следует восходить к надконфессиональности, понимаемой как конструктивное событие всех форм духовности. Как это возможно? Есть необходимость в утверждении духовной иерархии служения или терапеологии. Человек как личность входит во многие общности телесного и духовного порядка, образуя целостное человечество и созидааясь целостным человечеством. Растворение себя в одной-двух общностях есть путь существенного обеднения личности, вплоть до утраты личности. Всегда активная и динамичная личность возможна акцентированием своей принадлежности к некоторым общностям наряду с памятью о себе в целостной иерархии человечности. Личность в уникальной гармонии иерархии служения есть подлинная личность. В этом аспекте особенно интересно суждение Н.А. Бердяева о приоритете личной, человеческой иерархии [1, с. 88]. Терапеология у Бердяева есть этика жизни как форма практической философии. Цель подлинного творчества, утверждение Царства Божьего в терминологии философа, есть одно из правомерных обозначений стремящегося быть свободным человека к становлению себя конкретного в бесконечной возможности подлинного очеловечивания мира. Стремление личности к духовной запредельности для совершенствования своей ответственной активности для себя, в интересах всего человечества, а также в заботе о процветании всех форм жизни.

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев. Париж: Современные записки, склад YMCA-PRESS, 1931. 320 с.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. Москва: Международные отношения, 1990. 336 с.

3. Дик П.Ф. Взаимодействие этноконфессиональных общностей как способ конструктивного бытия социума / П.Ф. Дик // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: Материалы международной научной конференции к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. 602 с.

4. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге / М. Хайдеггер: сборник: Пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. Москва: Высшая школа, 1991. 192 с.

УДК 37.014

А.А. Лагунов
A.A. Lagunov

Современная образовательная политика: курс на дегуманитаризацию

Modern educational policy: course on manization

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные с точки зрения автора причины прогрессирующей дегуманитаризации современного образования и делается вывод о том, что важнейшим фактором игнорирования гуманитарной составляющей воспитательно-образовательного процесса является утверждение сциентистской идеологии, пренебрегающей социокультурной традицией.*

***Abstract.** The article discusses the main terms of the author's reasons for progressive manization modern education and business, is the conclusion that the most important factor of ignoring the humanitarian component of upbringing and education process is the adoption of scientific ideology that ignores the social and cultural tradition.*

***Ключевые слова:** образовательная политика, воспитательно-образовательный процесс, дегуманитаризация, социокультурная традиция, сциентизм, идеология, постмодернизм, экранная цивилизация.*

***Keywords:** educational policy, educational and educational process, manization, socio-cultural tradition, scientism, ideology, postmodernism, screen civilization.*